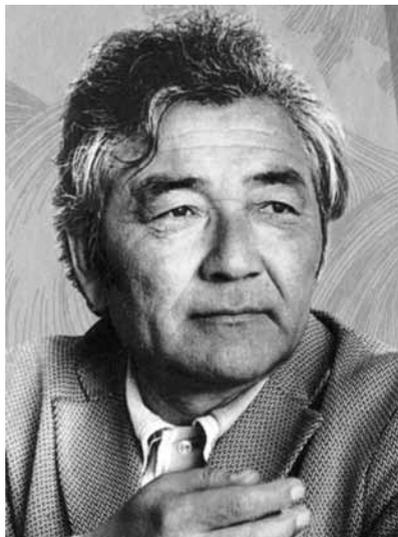

Руслан СЕМЯШКИН

СВЕТ РОДНОГО ОЧАГА

Тема Родины в военной прозе Тахави Ахтанова

Тахави Ахтанов

«По мере отдаления Второй мировой войны рождается всё больше исторических и военных мифов о ней», – говорил в выступлении на третьем Национальном курултае Президент Касым-Жомарт Токаев, призывая соотечественников наряду с укреплением национальной идентичности чтить память своих героев патриотов. Неоценима здесь роль отечественной литературы, современной и классической, – произведений, созданных непосредственными участниками и очевидцами исторических событий, оставивших нам свои свидетельства о них. Созданные писателями-фронтовиками книги – это бесценный боевой арсенал в пресечении политических инсинуаций и информационных манипуляций. Нам надо чаще обращаться к этим книгам, рассказывая о них нашей молодежи.

Фронтовик, орденосец Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии КазССР Тахави Ахтанов знал о войне не понаслышке. В декабре 1941 года он со второго курса педагогического института добровольцем ушел на фронт, где мужественно сражался и из рядового солдата вырос до офицера. Ему пришлось участвовать в боях Калининского, Украинского и Прибалтийского фронтов. Четырежды он получал ранения. За боевые заслуги будущий писатель награждался орденом Отечественной войны II степени, дважды орденами Красной Звезды. В 1985 году Ахтанова нашла еще одна боевая награда – орден Отечественной войны I степени.

Уволившись в запас в 1948 году, Ахтанов решает связать свою жизнь с литературой. Вначале, как подмечал известный казахский советский литературовед и критик, академик Мухамеджан Каратаев, литературные пробы Ахтанова «носили ученический характер». Но и в тех ранних очерках и рассказах наблюдалось стремление писателя к психологическому раскрытию человеческих характеров, их более полному показу, усиленному драматизмом жизненных ситуаций. По существу, эти черты таланта четко определяются и в наиболее зрелых прозаических произведениях Ахтанова, и прежде всего в романе «Грозные дни», вышедшем на казахском языке в 1956 году в столице республики Алма-Ате. На русском же языке роман первоначально опубликуют в журнале «Дружба народов», а в 1958 году он будет издан отдельными книгами в Алма-Ате и Москве.

«Грозные дни», первое большое полотно, вышедшее из-под пера писателя, и по прошествии без малого семи десятилетий не растеряло своей художественной свежести и привлекательности. Оно по-прежнему за душу берет, волнует, трогает. В нем собрана прекрасная галерея народных образов, олицетворявших те славные поколения наших предков, которым мы всегда будем

кровно обязаны за принесенный ими тогда на советскую землю мир. Мир, как высшую земную ценность, которую всем нам, – гражданам свободных государств, образовавшихся на просторах бывших советских республик, следует беречь, хранить и всецело поддерживать. Нет ничего на нашей планете более ценного, чем всеобщий мир, за который восемьдесят лет назад мужественно сражался и Тахави Ахтанов, за что мы ему должны быть всегда благодарны.

Материалом для романа «Грозные дни» (переведенного на русский язык А. Дроздовым и С. Борзенко) Ахтанову послужила история казахстанской дивизии легендарного генерала Панфилова, сражавшейся за Москву, хотя сам писатель подчеркивал, что писал этот роман не о панфиловцах в отдельности. И события, описанные в романе, охватывают совсем непродолжительный отрезок времени. Ахтанов, назвав реально существовавших героев вымышленными именами, строго следуя при этом исторической хронологии, представляет читателям следующую сюжетную линию: дивизия, сформированная в Алма-Ате, в эшелонах отправляется на фронт. После ее прибытия в места назначения описываются тяжелые бои в дни отступления и выход из окружения одного из батальонов. В ноябре – декабре 1941-го, когда Москве грозила реальная опасность, мы наблюдаем за героическим сопротивлением этого батальона и одного из взводов, которым командует молодой лейтенант, вражескому наступлению. Собственно, это и есть перечень основных событий, разворачивающихся на страницах романа. Но за ним просматриваются судьбы людей, среди которых мы видим немало настоящих героев – казахов, русских, украинцев, представителей других народов, молодых, зрелых, пожилых, трудившихся в мирное время в различных отраслях народного хозяйства и самоотверженно, рискуя жизнями, сражавшихся с ненавистным врагом. И раскрывались они писателем в полной мере в условиях войны, в том каждодневном, самоотверженном военном труде, который они добросовестно вершили.

«Грозные дни» – роман не только военный, но и психологический. Герои в нем окажутся действительно заметными, с определенными задатками и чертами характера. Молодой командир взвода Ержан Кайсаров, выступающий в романе в качестве главного героя, попадает в боевые условия еще совсем юным, двадцатилетним неопытным парнем, легко ранимым, но честным, благородным, ищущим достойный образец для жизненного поведения. Ответственность за выполнение боевых заданий и жизнь вверенных ему солдат составляет основу его искренних переживаний и неизбежно возникающих на пути конфликтов.

В образе старого лесника, многое повидавшего на своем веку и вновь готового сражаться за родную землю, Ахтанов сконцентрирует не только народную мудрость и прозорливость. Куда важнее то, что писатель покажет в нем того исконно русского человека, на которого следовало равняться более молодым героям, вне зависимости от их национальности и рода деятельности. Потому и завершит свой роман Ахтанов словами, произносимыми Ерофеем Максимовичем, этим бесстрашным, совестливым и неутомимым тружеником, пришедшим в санбат навестить раненного комвзвода Ержана Кайсарова: «– Я, сынок, много повидал на своем веку. Опять в огне русская земля. Но скажу наперед: не нас пожгут супостаты – сами они сгорят в этом огне. За вашей спиной, сынки, мать-Родина, как за каменной стеной. Так тому и быть».

Кстати, известный советский литературный критик и литературовед, доктор филологических наук Зоя Кедрина, долгие годы прожившая в Казахстане и посвятившая казахской литературе немало своих монографий и статей, в

книге «Из живого источника», изданной в 1960 году в московском издательстве «Советский писатель», писала, что «в лице Парфенова и деда-лесника он [Ахтанов] пытается создать характеры советского чудо-богатыря. Но именно эта его попытка оказывается малоудачной».

Позволю себе с такой точкой зрения не согласиться. Ни генерал Парфенов, ни, тем более, лесник Ерофей Максимович никак «советскими чудо-богатырями», по крайней мере сегодня, не воспринимаются. В их облициях и фигурах, неоднократно говорил нам Ахтанов, богатырского уже не наблюдалось. Они постарели, и в прямом смысле, и в плане восприятия ими повседневной действительности. Но они не растеряли дара анализировать обстановку, присматриваться к окружающим людям, подмечать в них самое существенное. Не лишены они, и в первую очередь генерал Парфенов, уникальной способности вести за собой окружающих их людей. И, что самое главное, люди им верят. Посему, полагаю, воспринимать эти персонажи следует исключительно в тех реалиях, в которых им приходилось в романе существовать и действовать. При том, конечно, что персонажам этим в повествовании отведены заметные роли.

Тяжелой ценой даются бойцам дивизии Парфенова первые победы. Но это испытание на стойкость и мужество они проходят достойно. «Слышал, сынок, обо всем слышал, – говорит Ержану старый лесник. – Сражались вы как настоящие герои. Я ходил смотреть на подбитые танки. Дело хозяйственное. У колхоза нужда в железе».

Да, жизнь продолжается, и колхозу на самом деле требуется железо. А дивизии необходимо новое подкрепление. Им позарез нужно заменить тех, кто героически пал на поле боя: политрука Кускова, Зеленина, Какибая, Раушан... Все мысли их были сосредоточены на планах по дальнейшему противостоянию врагу.

Незадолго до начала решающей схватки с врагом, в которой погибнут лучшие бойцы взвода Кайсарова, сам он, не перестававший себя безжалостно судить, решит открыться политруку Кускову:

«Невыносимо, оказывается, оставаться наедине со своими думами. Казалось, что в последнее время я забылся. Но сегодня, на рассвете, я припомнил всю свою жизнь. И не обнаружил ничего такого, что было бы достойно людского восхищения, их памяти. Не говоря о других, даже самому нечего вспомнить с радостью, – Ержан усмехнулся, – даже не смог, как другие, полюбить девушку.

– Ты что-то рассуждаешь так, словно постарел, – сказал Василий, в упор глядя на Ержана. – Выбрось подобную чепуху из головы. Твоя настоящая жизнь только начинается».

Казалось бы, к чему столь молодому человеку так себя изводить? Зачем грустить и заранее ставить под сомнение свои добродетели и таланты? Какой во всех этих безрадостных переживаниях прок? Но Ержан по-другому не может, обо всем этом не позволяет забывать ему совесть, постоянно его тревожащая и напоминающая о самом больном, о пока безответной любви, о уязвленном, хотя и совсем не болезненном самолюбии...

И представляя грустный в тот миг облик Ержана, восприимчивого, несколько обидчивого, стремящегося совершить что-то большое, значимое, заслуживающее всеобщего внимания и одобрения (что для молодости, согласитесь, в полной мере естественно), но не способного лгать, юлить, приспосабливаться под определенные обстоятельства, совершать подлости, предавать, – почему-то начинаешь задумываться: а как бы сложилась жизнь

этого благородного и честного человека в мирной жизни? Кем бы он стал после войны? Продолжил бы службу в армии или выбрал гражданскую профессию? И как, вследствие этого выбора, менялся бы его характер, а вместе с ним и взгляды на жизнь?

Прозаик о возможном будущем своих героев в романе ничего не говорит. Сюжетные рамки и сама концепция «Грозных дней» не позволяла Ахтанову рисовать картины, никак не связанные с теми событиями, описанию которых он и посвятил сей роман, ставший одним из лучших в его обширном и разностороннем творческом наследии. Оттого-то у нас и появляется возможность пофантазировать. И, воспользовавшись ею, скажу, что Кайсаров мне в послевоенной действительности представляется в роли писателя, возможно, журналиста. В общем, человека, решившего каждодневно размышлять, сопоставлять те или иные факты, анализировать их содержательную сторону, и, конечно, писать... основательно, отдавая этому творческому труду все свои знания и силы.

Смог бы он, при том юношеском максимализме и чрезмерно завешенных к себе требованиях, о которых мы узнаем в повествовании, стать творцом? Да, смог бы. Война, ее бесчеловечное, жуткое нутро, требовавшее хладнокровия и трезвых, взвешенных, лишенных налета сентиментальности расчетов, Ержана обязательно бы изменила. И, как человек талантливый, рассудительный, образованный, стремившийся жить по совести и приносить пользу людям, он неминуемо бы почувствовал в себе потребность творить. Лишь она одна, эта напрямую нами невидимая и неосознаваемая потребность, рожденная где-то в самых дальних уголках сознания, способна человека кардинально изменить, а потом и приобщить к чему-то более возвышенному, глубинному, не подверженному сиюминутным колебаниям жизненного маятника, безостановочно, без нашей на то воли, продолжающего свои вращения...

Завершая роман, Ахтанов показывает нам уже несколько изменившегося Ержана. Скорее даже повзрослевшего, испытанного в боях, ставшего более мужественным, решительным, способным вести за собой бойцов и биться с врагом, не оглядываясь на смерть, не единожды подстерегавшую его в тех тяжелейших сражениях, описанных писателем достаточно лаконично, без лишних несущественных подробностей и деталей.

Военные будни, наполненные тяжелейшими физическими и духовными испытаниями, Ахтанов описал в «Грозных днях» не только правдоподобно, убедительно, доходчиво, но и при помощи психологических характеристик героев, имевших для этого произведения одно из первостепенных значений. Воспринимать события осени 1941 года, развернувшиеся под Москвой, без погружения в их непростой внутренний мир, читателям было бы малоинтересно. И Тахави Ахтанов, художник-реалист редкостного дарования, прекрасно понимал – роман о Великой Отечественной войне следовало писать по-особому. С душевным теплом, с огромным стремлением продемонстрировать бессмертные народные подвиги советских солдат и офицеров, и, что также принципиально важно, с обращением к богатому национальному колориту и звучанию, подчеркивавшим душевную красоту, мощь и физическую силу казахского народа, лучшие сыны и дочери которого сражались на той, воистину самой страшной в истории человечества войне...

Пробежит три десятка лет, и Тахави Ахтанов представит читателю новый роман о Великой Отечественной войне. Только о войне ли он в том общепринятом понимании, в каком воспринималась вся советская «военная проза» и его первый роман «Грозные дни» в том числе? Да, сюжет романа «Свет очага»

(перевод с казахского языка Г. Саталкина) завязывается перед самой войной, в приграничной Брестской области, развивается затем в военное лихолетье в белорусских деревнях и лесах, где с врагом мужественно борются партизаны, о которых писатель также, хотя и коротко, фрагментарно рассказывает. Стало быть, «Свет очага» посвящен военной тематике, и отнести его следует к прозе о Великой Отечественной войне, над которой в разное время успешно работали не только хорошо известные в Советском Союзе Михаил Шолохов, Эммануил Казакевич, Борис Полевой, Константин Симонов, Иван Акулов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Владимир Богомолов, Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Алесь Адамович, Борис Васильев, Константин Воробьев, Владимир Карпов, Иван Стаднюк, но и такие известные казахстанские писатели, как Габит Мусрепов, Дмитрий Снегин, Бауыржан Момышулы, Малик Габдуллин, Ади Шарипов, Баубек Булкишев, Касым Кайсенов, Саурбек Бакбергенов, Василий Скоробогатов, Азильхан Нуршаихов, Амантай Байтанаев, Николай Душкин, Василий Антонов, Абдиджамил Нурпеисов, Калмухан Исабаев, Олег Меркулов, Юрий Рожицын, Хизмет Абдуллин. Большинство из них, за исключением Габита Махмутовича, были участниками Великой Отечественной войны, писателями-фронтовиками.

И все-таки роман «Свет очага» повествует не только о войне, но и о том, что она не прерывает земную жизнь окончательно. О том, что в трудный час приходится делать выбор, зачастую судьбоносный, от которого зависит настоящее и будущее. О том, как в суровых военных условиях совсем молоденькая казашка Назира Едильбаева проходит сложный и тернистый путь во имя жизни, новой жизни своего малыша, которого она, каждодневно рискуя жизнью, носила под сердцем и родила далеко от дома, зимой, в дороге, на санях... О том, как и на войне человек должен оставаться человеком, быть совестливым, справедливым, человеческим, способным протянуть руку помощи незнакомому человеку, защитить его, заслонить от беды. О том, как страшно, мерзко, отвратительно предательство, особенно если оно касается Родины – самого святого, самого большого и величественного, что человеку дается свыше и чего сам он выбирать, как и родителей, не может, не в состоянии, не вправе...

Все эти составляющие Ахтанов мастерски соединит воедино, и в романе они создадут целостную картину тяжелейших испытаний, которые проходит Назира, едва познавшая тепло семейной жизни, отправившаяся весной 1941 года из Казахстана вместе со своим мужем, командиром Красной армии Касымбеком Едильбаевым в далекую Белоруссию, где её и застаёт война. И тут, казалось бы, читателям самое время вновь напрямую столкнуться с военными баталиями и заглянуть в самое нутро той страшной войны. Но художник поставит перед собой другую задачу. Ахтанову, очевидно, важно было показать, что жизнь, человеческая жизнь, в её бесконечном продолжении и рождении новых жизней однозначно сильнее войны, способной безжалостно поглощать тысячи, сотни тысяч, миллионы людей, тех, кто воюет, и тех, кто продолжает жить мирной жизнью, вроде бы далекой от военных действий.

Такой жизни, к сожалению, приходит конец – враг хладнокровно уничтожает целые деревни, не щадит ни детей, ни женщин, ни стариков. Но народное сопротивление растет, на защиту своей земли, семейных очагов, родных и близких поднимаются даже старики, идут в ополчение женщины и подростки. Им, говорит писатель, неимоверно трудно, они рискуют жизнями, переживают голод и холод, претерпевают лишения, но руки не опускают. Их борьба за будущее, за продолжение мирной, созидательной жизни продолжается. Она не бессмысленна и, несмотря на неизбежные жертвы, результативна. Тем более что

советский многонациональный народ воевал тогда на своей земле. Земле отцов и дедов, обильно политой кровью и потом предшествующих поколений...

Роман «Свет очага», как писала известный казахский литературный критик Шуга Нурпеисова, «...не о войне раздумья, не о мужании воли среди грохота и взрывов снарядов, под реющим призраком смерти и не о подвигах славных и безвестных защитников Родины». Верно, хотя незамысловатые рассуждения Назиры о жизни, о семейном счастье, обо всём ею пережитом за три года напрямую связаны с Отечественной войной, разлучившей с мужьями – Касымбеком и Абаном, подругой Светой, доброй старой крестьянкой тетей Дуней и многими другими – людьми разными, не похожими друг на друга, но запомнившимися навсегда.

«Автор, казалось бы, – продолжает далее Нурпеисова, – сохраняет всю атрибутику “военной прозы”: из военного гарнизона близ Бреста мы попадаем в захваченную оккупантами белорусскую деревушку, а оттуда в лес, к сражающемуся партизанскому отряду, но знакомые приметы жанра здесь присутствуют на вспомогательной роли. Роман написан не о войне, а о жизни. Как высшая ценность, как священное дело и назначение человека в нём утверждается жизнь. Именно из идеи сопротивления небытию, из естественного стремления человека жить и выжить хоть в самом аду вырастает книга Ахтанова. И это поэтическое чувство-мысль, которое, как в стихотворении, держит на себе всё здание книги, отличает её от произведений прозы чисто “военной”. Все грозные и трагические события, боевые вылазки партизан, казнь жителей деревни, где уничтожено было фашистское руководство, мы получаем через восприятие героини романа, молодой матери-казашки, которая с младенцем на руках пробирается к родному аулу через горящую землю Белоруссии. Этот образ, активно противостоящий хаосу и насилию, выделяет по-новому бессмыслицу войны. Назира, юная жена командира Красной армии, всего три месяца как впервые ступившая за пределы дома и очутившаяся в дважды ей чуждой реальности – ином, к тому же охваченном войной крае, – не просто некое лицо, повествующее о своих испытаниях. Она – мать, защищающая жизнь своего ребенка, а значит, сила, достойная на равных соперничать со смертью. <...> Ахтанов раздвигает пространство и время смятой, раздавленной действительности, где царят хаос и безумие, где обесценены прежние ценности: справедливость, гуманность, сама жизнь – неумолимой волей военной машины. Войну он судит миром, ибо в мирной жизни человек не способен поверить в войну, признать её диктат над своими поступками. Она – химера, страшная сказка, которая обязательно рассеется с наступлением утра. Фигура Назиры, столь необычная в военном произведении, многофункциональна, многозначна и в каждом значении выявляет чужеродность войны существованию человека. Назира не просто мать, она – олицетворение жизни».

Соперничать со смертью на равных, конечно, невероятно трудно. Да Назира, собственно, всем своим существом тянувшаяся к жизни, с ней и не соперничала. Скорее, она отдалась той незримой и неведанной силе, которая и уберегла ее от смерти, не раз совсем близко подступавшей к ней. Ну как, допустим, можно назвать и оценить жуткий эпизод расстрела жителей деревни, когда она перед самым обрывом, у черты, отделявшей жизнь от смерти, попадет на глаза долговязому немцу, решившему сохранить ей единственной жизнь по причине её чисто внешнего различия со славянским населением? Везением?! Но разве на войне это абстрактное везение встречается? Или, может быть, мало гибло на ней «везунчиков», «заговоренных», «Богом хранимых», тех, кого «пуля не берет», однажды свято уверовавших в свою удиви-

тельную возможность избежать печального финала? Нет, погибали и они. Но всё же Назира смерти избежала. И нельзя при этом сказать, чтобы она отчаянно и остервенело боролась за жизнь, идя на какие-либо ухищрения и уловки, от которых, в силу своей бесхитростности и наивности, была предельно далека. Посему, думается, Назиру хранили, прежде всего, осмотрительность и не свойственная юному возрасту рассудительность, передавшаяся ей от мудрой бабушки Камки, о которой она часто вспоминала.

Эта рассудительность, опиравшаяся в основном на воспоминания аульской жизни и на некоторые наблюдения, приобретенные уже в ходе войны, помогала Назире, простой, добродушной и совестливой казашке, плохо знавшей русский язык и нравы славян, не только задумываться над своим положением, но и пытаться находить ответы на постоянно возникавшие в сознании вопросы. Вопросы на первый взгляд обыденные, вращавшиеся вокруг самого главного вопроса-задания: как выжить, как сохранить дитя, вот-вот должное родиться? А с его рождением и встречей в партизанском отряде с мужем Касымбеком распространявшиеся уже и на них, самых родных и близких, о которых она стала с большим рвением заботиться.

«Не раз мне приходилось убегать, прятаться, – рассуждает Назира, вспоминая свои мытарства. – У матери-земли всегда находилось укрытие. Не говоря уж о густом лесе, оврагах и ямах, даже холмики и ложбинки не раз спасали нас от смерти. Я выросла на земле, вдыхала ее запах, валялась на траве, каждое лето спала в юрте, где пахло полынью и землей, и когда повзрослела, заневестилась уже, меня по-прежнему тянуло на зеленые лужайки, хотелось прижаться лицом к зелени. Но только теперь, в войну, оценила я это счастье по-настоящему. <...> У земли есть дыхание, есть жалость, она укрывает тебя и не отдает смерти. И я эту хмурую русскую землю с песчаными холмами, лесами и рощами, с небесами, затянутыми тучами, полюбила, как степи мои родные.

Война вовлекла в свой страшный водоворот миллионы людей. Но моя война кажется мне какой-то особенно противоестественной. Что бы вы почувствовали, если бы вам связали руки и толкнули в бой? Грудной ребенок связал мне руки. Я не могу взять винтовку, не могу стрелять. Человек с оружием в горячке боя хоть на миг забывает о смерти, а человек с ребенком в руках даже защищаться не в состоянии – нечем и ждет каждую секунду не одну, а две смерти; страшно считать свист невидимых пуль над головой, изнывать, томиться, обессиливать, обливаясь холодным потом.

Единственное, что остается мне – убегать и прятаться. И я научилась падать, ползти, прыгать, и всё это вместе с Дулатом. И если внезапно разгорается бой, а у меня на руках нет моего сына, мне кажется, что я словно потеряла что-то и чувствую обезоруженной себя».

И Назира научится этой «противоестественной» войне не подчиняться, уходить от нее. Быстро придется ей и повзрослеть. Многие, в том числе те, которые старше её по возрасту, будут казаться Назире младшими, не такими опытными, не повидавшими в избытке горя, крови и слез, как насмотрелась на них она.

Смертью храбрых погибнет её муж Касымбек, совестливый и благородный джигит, сумевший, тем не менее, выполнить ответственное задание по минированию моста; поймана и казнена её подруга по гарнизону и скитаниям в лесу, разведчица Света, – вроде сильная и стойкая молодая женщина, но душевно практически сломленная, а затем внедренная партизанским руководством во вражеский стан, пережившая там тяжелейшие испытания и муки, но оставшаяся верной Родине, не сдавшая своих товарищей-партизан;

погибнет, защищая Назиру, её сына Дулата и маленькую дочку Светы, оставшуюся у неё на руках, и второй муж Назиры, – добрый, открытый, порядочный, смелый и жизнерадостный Абан, мечтавший о мирной жизни с женой и детьми в родном Казахстане... Лишится жизни и молоденький партизан Прошка, сын предателя-полицая Усачева, ставший для Назиры то ли младшим братом, то ли рано повзрослевшим, но всё еще несмышленым сыном. Расстреляют немцы и её защитницу тетю Дуню, предоставившую ей кров и прятанную Назиру у себя, несмотря на огромный риск поплатиться за свою доброту собственной жизнью.

Потери самых близких людей Назиру не сломят. Она по-прежнему, собрав все силы в кулак, продолжит бороться за жизнь. Жизнь свою и жизнь двух малолетних детей. А также и за будущую жизнь ребенка Абана, которого Назира, к счастью, отправится наконец-таки вынашивать в родной аул. К смертям же менее близких ей людей она и вовсе станет относиться как-то по-философски, при том, что боль утрат, конечно, бесследно не уйдет, слишком живучими окажутся для неё и горькие воспоминания.

«Почему на войне люди переживают смерть товарищей не так, как в мирное время? – задается вопросом Назира. – Слишком внезапная здесь она? Слишком часто погибают люди, и не может сердце вместить всё горе и ответить болью своей на него? И не очерствелость это, не привычка – как можно привыкнуть к смерти?! – просто сердце, как может, защищает себя, защищает себя жизнь. И у моего сердца есть спасительная оболочка, за которой оно спасается, когда ему больно. Только, наверное, слишком много в ней дыр. Нет-нет да и встают передо мной ужасные картины пережитого, причиняя мне такую боль, словно сердце прокалывают шилом».

Лишь одна страшная смерть станет Назире о себе часто напоминать. Это смерть пятилетней деревенской певуньи Парашки, до последнего отказывавшейся своим детским сознанием её принимать и в неё верить.

«Пятилетняя Парашка, крепко обхватив ручонками шею матери, умоляла солдата, который гнал их к обрыву:

– Не убивайте меня! Мамку не убивайте! Дяденьки, я вам песенку спою. Я их много знаю:

“Сначала заплакал Андриашка,
А потом заревела Парашка...”

<...> И Парашка таранилась на него, она никак не могла понять, что песни, которым так радовалась вся деревня, не трогают солдат, будто они её не слышат...»

Забить этот кромешный ад и чистый, тонкий, отчаянный голос Парашки, буквально растранивший тогда душу, её детское возбужденное личико, Назира так никогда и не сможет...

Но жертвы на войне не всегда напрасны и бессмысленны. И Назира смутно это осознавала, ведь защитники государства, среди которых находились и её мужья, оружие в руки брали не случайно. Они были солдатами, бойцами, теми, кому и суждено бороться с врагом. Куда противоестественней воспринималось ею участие в военных действиях женщин, в том числе и тогда, когда их отправляли для выполнения ответственных заданий на временно оккупированных территориях. Примером такого самоотверженного служения для Назиры станет её подруга Света.

Образ этот в романе имеет важное значение. В нем Ахтанов воплотит не только конкретную горькую женскую судьбу, а и некий слепок предвоенного времени, трагичного, безжалостно отобразившегося и на её доле.

Ожидаемое Светой в ранней молодости счастье омрачит горе – репрессии отца, вышлют из города мать, а позднее её к тому же предаст любимый парень и его казавшаяся исключительно доброй и заботливой мать, молниеносно разлучившая сына с ней, как дочь «врага народа». Потом на какое-то время счастье к Свете вроде и повернется лицом – она встретит Николая Топоркова, будущего командира взвода, подчиненного Касымбека по гарнизону и партизанскому отряду, оформит с ним отношения, будет его любить, при том, что он, по большому счету, завладев красивой женщиной, станет ревностно любить, беречь в ней эту самую красоту, а не личность жены, ставшей для него драгоценной вещью, лишь ему принадлежавшей. Но в их отношения нагло и беспардонно вклинится война, не просто супругов разлучившая, а и вынудившая Свету в дни ее совместного с Назирой блуждания по лесам морально пасть, стать жертвой прихоти немецкого офицера.

После в случившемся Света будет обвинять даже Назиру. Такой напрочь безвольной, надломленной, потерявшей интерес к жизни Света пробудет недолго. Она найдет в себе силы жить дальше. И не просто жить, точнее, выживать, а и бороться с ненавистным врагом, растоптавшим ее женское достоинство. Потому не могу не согласиться с Шугой Нурпеисовой, точно подметившей изменения, произошедшие с этой женщиной, ставшей на путь борьбы:

«Перед нами бесстрашная партизанская разведчица, выполняющая опасные поручения в тылу врага. И тут мы видим, как всё содержание этого характера и этой судьбы противится и не желает вмещаться в слишком канонические, затверженные представления наши о разведчице как образе негибкости, душевной ясности, со всем объемом диктуемых этим образом понятий и эмоций и непереносимой коллизией нравственного поединка с фашистской машиной безнравственности. Здесь писателя интересует как раз обратное: человеческое, незащищенное, с тысячей его проявлений, проблем, которые никакими обстоятельствами не отменяемы и не могут быть обузданы и подчинены единственной функции, пускай самой важной.

Судьба Светы остается драматичной, изломанной. Мы чувствуем её боль, прирученную, но отбрасывающую постоянную тень на это прекрасное женское лицо. Автор отказывается от эффектных, выигранных сцен, и мы так и не увидим Свету в её рискованном деле, не услышим от неё патетических монологов. Обретенная ценою немалых страданий строгая сдержанность, не допускающая откровений, не имеет ничего общего с былой сосредоточенностью на себе красивой женщины, живущей в камерном мире своих счетов и обид на судьбу. <...> Мужество Светы – это абсолютное мужество окончательного отречения, отказа от себя и даже своих страданий. Но пронизательность любящего сердца Назиры видит всё ту же Свету, которую она всегда жалела в её несчастной доле».

Света погибнет при выполнении очередного задания, испытав страшные пытки. Ребенок, рожденный Светой не от законного мужа, увидевшего её в отряде беременной и пришедшего от этого в бешенство, взявшего в руки пистолет и пытавшегося жену застрелить, – останется на попечении Назиры, закрывшей тогда Свету своим телом от Николая, едва не осуществившего свое злое намерение. И в этой непростой, горькой, разлучившей ранее любивших друг друга людей развязке опять же побеждает жизнь. Непреложная жизненная правда, благодаря выдающемуся художественному таланту Ахтанова, и сегодня напоминает нам о том, что не стоит рубить с плеча, горячиться и думать только о себе, об уязвленном самолюбии, о вроде как поправленных чести и достоинстве. Не следует в таких ситуациях всецело отдаваться эмо-

циям, становящимся преградой рассудку, вмиг отказывающемуся размышлять трезво, взвешенно и бесстрастно. Нельзя забывать и о сострадании, о человеколюбии, которым и на войне есть место, что убедительно подтвердит Назира, сердце которой не зачерствеет и не откажется любить близких ей людей, пускай и тех, кто однажды оступился.

Немало важных для глубинного осмысления эпизодов в этом романе. Это, прежде всего, рассказ о вынужденной эвакуации из гарнизона женщин, первые попадающих под вражеские налеты авиации и несущих людские потери, в том числе и детские; это, без сомнения, сцены, повествующие о белорусских крестьянах, тех, которые Советы ненавидели, и тех, кто несмотря на личное горе, пришедшее в дом по вине конкретных представителей власти, как и случилось у тети Дуни, продолжали жить обыденной жизнью, Советскую власть не кляня и не желая ей гибели; это, безусловно, эпизоды, явственно раскрывавшие гнусное нутро предательства, ставшего возможным по вине беспринципных негодяев, жалких трусов, пошедших на услужение врагу. И в описании сего, во все времена и для всех народов планеты презренного, мерзкого явления, особенно показательна сцена, рассказывавшая о застолье полицейев, только что принимавших участие в поголовном расстреле жителей деревни.

Собравшись в доме убиенной Евдокии Герасимовны (тети Дуни), накрыв стол, негодяи, среди которых был и бывший советский малограмотный, но рьяный активист Усачев, а вместе с ним и молодой, слабовольный полицей, неоднократно желавший беспричинно застрелить Назиру, вызывавшую в нем звериную ярость, пустились в тягостную беседу. И их жалкая попытка оградить себя от зверств немцев, творимых вместе, несостоятельна, ничтожна. «Мы только руки и ноги вязали, а расстреляли немцы», – пытались уверить они себя в своей непричастности к случившемуся. Нет, отчетливо дает понять читателю Ахтанов, нет, – и вы принимали самое непосредственное участие в этом жутком коллективном убийстве. Вы, предавшие свой народ и Отечество, такие же кровожадные преступники, только, пожалуй, менее умелые и опытные, чем гитлеровцы, представлявшие, как известно, «высшую расу». Но расплата за содеянное обязательно придет! Оправдания этим нелюдям быть не может! – убеждает нас писатель. И в романе мы увидим эпизод, рассказывающий о военно-полевом трибунале над Усачевым и тем молодым, «плаксивым» полицейем по фамилии Гуськов.

Как же точно, показывая всю ничтожность, мелочность, подлость, готовность пресмыкаться перед более сильными, Ахтанов подметит: «Усачев от всего отрешивался, валил всё на других, на немцев, всё долдонил, растерянно тараща глаза: “Они же власть. А приказ властей нельзя не уважать. Расстреляют! Они же власть... вот я и выполнял ихние приказы. Немцы, если их послушаться... они сразу...”»

Писатель, завершая сцену народного праведного суда над предателями, так и не скажет, какой им был вынесен приговор. Впрочем, тут и так всё понятно. Интересно другое: Назира, неоднократно слышавшая «речи» Усачева, в том числе и произносимые им в доме у тети Дуни, стала сравнивать этого краснбая с другим, подобным ему болтуном-активистом, знакомым ей с детских лет. Странное дело, но Усачев напоминал ей Турсунгали-бельсенды, наводившего в свое время страх на аульчан и утравившего их своими угрозами: «Выселю», «Сгною», «...в одиночку упрячу», «...уничтожу! Вырублю под корень! Отправлю в Каркаралинские края!»

Этих зеркально повторявших друг друга в разных республиках страны активистов, пустых, малограмотных, но шустрых, пронырливых, честолюби-

вых, сама жизнь приведет к определенному финалу. Один, тот, который был земляком Назиры, по всей видимости, потеряв влияние над людьми, правда, притихнет и затаится. Другой закончит земное прозябание закономерно – вынесенная ему высшая мера наказания будет приведена в исполнение.

Мысленное обращение Назиры к родной казахской земле, воспоминания и размышления о бабушке Камке, о родственниках, об аульной жизни, в романе сыграют свою определенную роль. В них кровная, неразрывная связь с Казахстаном, о котором Назира никогда и не забывала, мечтая поскорее вырваться из ада войны, спасти детей и вновь обрести тепло семейного очага.

Перечитывая роман, вновь не перестаю удивляться тому, насколько точно Ахтанов сумел передать тонкости женской души, женского мироощущения. Его Назира естественна, открыта. Она показана правдоподобно, убедительно, и, что принципиально важно, – Назира в романе предстает дочерью своего народа. Народа, всегда верившего в добро, жившего строго, скромно и по совести, упорно трудившегося и так же упорно, целеустремленно, настойчиво, мужественно, отчаянно сражавшегося с фашизмом. Народа, подарившего огромной многонациональной стране таких подлинных героев, как Талгат Бегельдинов, Таймбет Комекбаев, Каракоз Абдалиев, Тулен Кабилов, Малик Габдуллин, Бауыржан Момышулы, Ануар Абуталипов, Нуркен Абдиров, Сагадат Нурмагамбетов, Маншук Маметова, Алия Молдагулова.

Спор со смертью Назира выигрывает. Домой из страшного пламени войны она возвращалась повзрослевшей, хотя отроду ей был всего-то двадцать один год; многое повидавшей и осознавшей, не опустошенной и не сломленной. В переполненном вагоне поезда на вопросы попутчиков она отвечала, что муж её был командиром, погибшим на войне. Рассказывала Назира и о партизанском отряде, понесшем большие людские потери. Говорила она и о том, что чудом спаслась сама и спасла своих детей. «Для них это маленький осколочек нескончаемой великой войны, послушают сегодня, поглядят на меня, а завтра забудут. Только я никогда не забуду своих Касымбека, Светы, Абана, тети Дуни, женщин полка, которые были со мной в самом начале войны».

«Главное – добраться до аула, – размышляла в вагоне Назира, – а там пусть хоть гора свалится на голову, всё равно на мою долю не выпадет и половины того, что пришлось мне пережить. И суровое, тяжелое прошлое мое поможет не падать мне духом.

Подумав так, я успокоилась. Еще совсем недавно не верила я, что останусь жива, вернусь домой из тех мест, которые и во сне прежде не снились».

Назира, маленький «осколочек» большой войны, не раз глядевшая смерти в лицо, осталась жива, сохранила своих детей, самую главную ценность для женщины-матери. Правда земной, вечной, никогда не прекращающейся жизни восторжествовала!

Так народный писатель Тахави Ахтанов своим глубоко гуманистическим романом «Свет очага» уже многие десятилетия помогает не одному поколению своих читателей, соприкоснувшихся с его жизнеутверждающей прозой, пройти нескончаемыми дорогами войны, неся в душе свет родного очага, и вместе с большим мастером и его героями присягнуть своей Родине на вечную верность.

